

В конце 1920-х гг. Наркомздрав РСФСР взял под особый контроль абортную помощь населению. Своим циркуляром от 24 ноября 1929 г. он наметил меры по упорядочению медицинской помощи при проведении абортов, в рамках которых расширилось число абортных коек в городах, они выводились за пределы родильных отделений и сосредотачивались в специальных абортариях или гинекологических палатах больниц, оговаривался размер платы за подобные медицинские услуги. Все эти меры призваны были снизить процент подпольных абортов, наносивших вред здоровью женщины.²⁵⁹

В середине 1930-х гг. демографическая ситуация в СССР резко обострилась: в 1933–1937 гг. население не только не выросло, а, наоборот, уменьшилось на 3,7 млн чел.²⁶⁰ В связи с этим 27 мая 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», которое не только запретило аборты по немедицинским показателям, но и ввело уголовное наказание в виде тюремного заключения на срок от одного до двух лет врачу за его производство. Уголовному наказанию в виде общественного порицания подлежали и беременные женщины, производящие аборт в нарушение указанного запрещения. При повторном нарушении закона беременные женщины наказывались штрафом до 300 рублей.²⁶¹ Эта мера способствовала некоторому повышению рождаемости, но она повлекла за собой и ряд негативных последствий: криминальные аборты, нередко с тяжелыми последствиями для здоровья или даже со смертельными исходами, и увеличение статистики убийств новорожденных.

Вместе с тем данное постановление увеличило декретные отпуска по беременности и родам. Правда, указом от 26 июня 1940 г. они были опять уменьшены. Отказ в приеме на работу или снижение заработной платы по мотивам беременности стали уголовно наказуемыми. Увеличились пособия на кормление ребенка и пособия многодетным матерям.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. XX в. была создана правовая база для решения демографических проблем в уральских городах.

В.Л. Загайнова
Екатеринбург

РОМАНОВСКИЕ ЦЕННОСТИ: ВСЕ ЛИ ТАЙНЫ РАСКРЫЛО ОГПУ?

Все, что связано с семьей последнего российского императора Николая II продолжает вызывать большой интерес как «ученых мужей», так и просто людей любознательных. А вопрос о романовских ценностях является одним из самых сложных и запутанных. Условно, ценности можно разделить на две части: 1) те, которые Романовым удалось оставить при себе и вывезти из Тобольска в Екатеринбург (в корсетах, пуговицах, шляпах и т.д.), 2) те, которые через доверенных лиц пришлось спрятать в Тобольске. Именно о них и пойдет речь.

Службы о сокрытых в Тобольске царских сокровищах пошли сразу же после отправки царской семьи в Екатеринбург. И, тем не менее, прошло почти 15 лет, прежде, чем настало время проверить их официальным путем. Расследование этого дела началось в 1933 г., когда группа сотрудников ЭКО ПП ОГПУ по Уралу была командирована в Тобольск. Следственные действия позволили очертить круг лиц, возможно причастных к этому делу.

²⁵⁹ Там же. С. 128–129.

²⁶⁰ См.: Нарский И. Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарное состояние уральских городов в послереволюционной России// Родина. 2001. № 11. С. 141.

²⁶¹ Там же. С. 247–248.

Основное затруднение вызвал не их розыск, хотя многих пришлось обнаруживать в других городах, кого-то не удалось найти по причине проживания за границей, а кого-то уже не было в живых. Сложнее всего, оказалось получить от них достоверную информацию. Многие фигуранты в ходе следствия меняли показания, сваливали вину на других и не исключено, что всю правду так и не удалось узнать.

Важно отметить, что в августе 1917 г. Романовым было разрешено вывезти из Царского Села, по словам няни царских детей А.А.Теглевой, «кроме платья, обуви и легких вещей, лишь столовую, чайную и умывальную посуду, ковры, походные постели, лампы и некоторые картины».²⁶² Все это происходило на глазах и при непосредственном участии приближенных царской семьи: камердинеров, фрейлин, горничных, лакеев, многие из которых поедут с ними в Тобольск, а некоторые и в Екатеринбург. Часть этих людей будет проходить по делу о сокрытии романовских ценностей.

По удостоверению той же Теглевой, в Тобольск с Романовыми приехали около 40 чел. Почти все они, за небольшим исключением, были размещены вместе с царской семьей в доме местного губернатора Орловского-Танаевского.

Тесную связь с императорской семьей имел тобольский архиепископ Гермоген. А по представлению епископа Варнавы в их дом вошел настоятель Благовещенской церкви отец Алексей Васильев. Впоследствии он станет одним из тех, кому Романовы доверят часть своих ценностей. В качестве духовника он будет пользоваться их особым расположением.

Как ни странно, укрепил доверие царской семьи к нему один очень неоднозначный случай. В Рождество Христово 1918 г. во время богослужения дьякон Благовещенской церкви Евдокимов провозгласил в их присутствии многолетие Романовым, а, так как они были уже бывшими «величествами» и «высочествами», это вызвало недовольство охраны. И дьякон, и настоятель церкви о.Алексей были отлучены от богослужений и на некоторое время подвергнуты домашнему аресту и ссылке в мужской Абалакский монастырь. Испугавшись последствий, оба вели себя недостойно и пытались подставить друг друга. В результате Романовых перестали отпускать в церковь, а богослужения с тех пор проходили на дому. В глазах же семьи бывшего императора Васильев выглядел как пострадавший за них. Вместо него настоятелем Благовещенской церкви стал о.Владимир Хлынов. Дочь лейб-медика Е.С.Беткина Татьяна Мельник так отзывалась об этом: «... можно глубоко сожалеть о том, что он не занимал этого места с самого начала, так как тогда бы их Величества не имели случая войти в отношения с Васильевым, бывшим одним из виновников их гибели».²⁶³

Отрицательно об о.Алексее отзывались и другие люди. Трапезник Благовещенской церкви П.Г.Собольников говорил, что тот обирал народ и проживал все. Жительница Тобольска Е.А.Протопопова, знакомая с местным духовенством и самим Гермогеном, называла Васильева «пьяницей и картежником».²⁶⁴ Напрашиваются явные исторические аналогии, правда в меньшем масштабе. Великие князья, которых поддерживала и сама вдовствующая императрица Мария Федоровна, советовали императору и императрице не доверять Г.Распутину, и просили, чтобы он отлучил старца от двора. Усилия оказались тщетными.

Когда Романовы почувствовали, что их могут эвакуировать из Тобольска и стали беспокоиться о сохранении ценностей, Александра Федоровна поручила о.Алексее вынести из губернаторского дома чемоданчик при содействии начальника охраны полковника Кобылинского Е.С. и царского писаря Кирпичникова А.П. Вот еще два человека, которые будут именоваться в следственном деле как «валютодержатели».

²⁶² Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. VIII. И.А.Соколов. Предварительное следствие 1919-1921 гг. Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова. «Российский архив» РЦХИДНИ. Москва. 1998 г., с.128.

²⁶³ Там же с.324.

²⁶⁴ Из коллекции документов. Архив УФСБ РФ по Свердловской области.

Кирпичников так же вынес из охраняемого помещения (губернаторского дома) шпагу царевича Алексея в золотой оправе и поручил ее хранить Васильеву, который прятал реликвию в дымоходной трубе, а затем в церкви.

Жена о.Алексея Васильева Лидия Ивановна в 1934 г. рассказывала такую историю о шпаге. При окрашивании иконостаса Благовещенского собора рабочими была обнаружена шпага. Об этом ее мужу сообщил трапезник церкви. Васильев сходил в церковь, а вернувшись сказал, что спрятал ее надежно и теперь никто не найдет. А в 1927 или 1928 г.г., когда стали закрывать церкви, он пошел за шпагой, которая хранилась под алтарем, но не нашел ее там. Васильев якобы считал, что кто-то видел, как он в свое время прятал шпагу и достал ее. Правда ли это, Лидия Ивановна не знала.

Один из сыновей А.Васильева Семен утверждал, что шпагу во время одного из обысков нашли и изъяли колчаковцы. Однако доказательств этого факта следствие не обнаружило.

В 1921 – 1922 г.г. ценности, находившиеся в кожаном чемодане, были переданы на хранение крестьянину деревни Бардиной Тобольского района Ивану Петровичу Егорову. Это подтвердили его сын Егор Иванович и прислуга фрейлины императрицы А.В.Гендриковой Паулина Касперовна Межанс (Межанц), которой Егоров сам рассказывал об этом и о том, что Васильев вскоре забрал ценности обратно. В 1934 г. сотрудниками ПП ОГПУ по Уралу были допрошены Иван Петрович Егоров и его сын Егор. Отцу было уже 93 года и сначала он отказался, что ему о.Васильев передавал на хранение ценности. Но Егор Иванович утверждал, что это было. Ему был передан сверток весом около пуда. В 1921 г., наконец, Иван Петрович признался, но не помнил, был ли это сверток или корзина. Потом якобы он просил сына отвезти это обратно – Васильеву, но его не было дома, и он не передал сестре. Когда Егор Иванович Егоров признался на допросе о ценностях, отец сказал: «Дурак, не надо было рассказывать».²⁶⁵

В 1929 – 1930 гг. Алексей Васильев выехал с женой в Омск к сыну Александру. По дороге, на пароходе, на ст.Тара он скончался, по одним сведениям от болезни, по другим, от отравления морфием. Как это произошло, так и осталось не выясненным. Якобы он что-то выпил в буфете, но что и с кем, неизвестно.

Ценности, скорее всего, должны были остаться у жены. В ходе следствия она подтвердила, что ее муж Алексей Васильев хранил ценности, но факт их наличия у нее отрицала. Тем не менее, во время обыска у Васильевой были обнаружены некоторые ценные вещи: юбилейная медаль к 300-летию дома Романовых, золотые дамские часы с цепочкой, два обручальных кольца, золотая брошь, золотые запонки с жемчужинами, золотой крест, а также изделия с царскими гербами – две пепельницы, тарелка, чайная пара. Наличие последних она объяснила тем, что ее муж получал подарки от царской семьи. Этот факт подтвердили и ее дети – дочь Елизавета и сын Александр. Кроме того, Л.И.Васильева утверждала, что ее мужу приходилось прятать и ценности некоторых тобольских купцов, которые ему доверяли.

Самым разговорчивым, правда, нет гарантии, что самым искренним, из детей Васильевых оказался Александр. Во время одного из допросов он заявил, что ради лебертации (скорее речь идет о реабилитации) перед Советской властью готов убедить своих мать и братьев сказать правду о царских ценностях. В своих собственных показаниях был не всегда логичен и после доволен. В частности, он поведал, что брат Семен жил с матерью в Омске в материальном отношении довольно неплохо. С одной стороны, он считал, что достаток был за счет хищений Семена, который работал бухгалтером в кожнобьединении. Впоследствии из-за этого его посадили в тюрьму. С другой стороны Александр Васильев свидетельствовал, что еще при жизни отца его родители были хорошо обеспечены, явно на «посторонние деньги».²⁶⁶

²⁶⁵ Там же

²⁶⁶ Там же

Его сестра Елизавета Гребенькова призналась, что имела золотые часы, две пары серег, золотую цепь и кольцо, которые получила в свое время от матери, но уже прожила.

По словам Л.И.Васильевой, однажды к ним в гости пришла жена упомянутого выше царского писаря А.П.Кирпичникова Наталия Константиновна в жемчужном ожерелье. Однако, последняя утверждала, что это было ее собственное из поддельного жемчуга, которое сохранилось у нее до сих пор. А про ожерелье императрицы Александры Федоровны она слышала от мужа, но куда оно делось, не знает.

На очной ставке Васильеву спросили, узнала ли она ожерелье Кирпичниковой, та ответила, что увидела совсем другое, действительно дешевле ожерелья. В былые времена в обществе приличных людей Наталия Константиновна бы в таком не пришла. То ожерелье было длиннее, из настоящего жемчуга розового цвета.

Комнатная девушка А.Я.Уткина, которая приехала в Тобольск на смену Теглевой (совместно с А.Д.Романовой тоже комнатной девушкой, и камер-фрау императрицы М.Ф.Зинотти, упаковывала вещи и ценности при отъезде Романовых из Царского Села) сообщила, что на день рождения великие княжны получали от родителей по 1 бриллианту (до 10 карат) и 1 жемчужине, а в именины еще по 1 жемчужине.

К 1917 г. все дочери имели нитки небольшой величины. У Александры Федоровны была длинная нитка жемчуга. Уткина же сказала, что все ценности царской семьи зарисовывались в специальную книгу.

Жемчуг упоминался и в показаниях дочери кассира Тобольского отделения Госбанка Капиталины Николаевны Шубенко-Печерской. Она была знакома с семьей начальника охраны Г.С.Кобылинского и свидетельствовала, что лично ей он показывал ценности: диадему, две нитки жемчуга и белый ящик, на вид как будто покрыт морозом, в котором были два отделения, но нижнее Кобылинский открыть не смог. На второй крышке ящика была мраморная доска с названием ценностей, которые находились в нижнем отделении. Шубенко утверждала, что разговоры об этом ящике шли по всему городу, что он «из того дома».

Сам Е.С.Кобылинский был в 1927 г. расстрелян, а его жена Клавдия Михайловна Битнер (кстати, учительница царских детей) также проходила по делу о романовских ценностях. По ее информации муж передал ценности тобольскому купцу К.И. Почекосу в ящике темного цвета. Кобылинская назвала и фамилию Пьера Жильяра, преподавателя французского языка царских детей, (который был) причастен к сокрытию ценностей. Как известно, он эмигрировал в Швейцарию и написал книги о царской семье, дожив до 83 лет.

Фамилия Печекоса фигурировала и в других показаниях, как скупщика золотых монет и изделий. В начале 30-х г.г. они проживали в одном из совхозов Прииртышья. Его жена Аня Викентьевна после долгого заперательства подтвердила факт получения ее мужем Константином Ивановичем ценностей Романовых на хранение: ювелирных изделий с бриллиантами на сумму около 500 тыс. руб., а также клинков и шпажек. Кобылинская называла сумму около 1 мил. руб. Первоначально ценности были спрятаны на их займке, но уезжая из Тобольска в Омск, Печекосы взяли их с собой. Поскольку на новом месте условий для хранения не было, все пришлось передать брату Константина Ивановича Александру Ивановичу для сокрытия в его доме. В то время к ним приходил К.М.Кобылинская и, сославшись на материальные затруднения, получила от них одно бриллиантовое кольцо.

Когда Александр Иванович уезжал в Польшу, то через границу перевезти ему ничего не удалось. Значит, ценности должны были остаться в его доме. Знать об их судьбе в тот период могла его жена Александра Васильевна, но она проживала в Харбине.

При проведении следственных действий в апреле 1934 г. Печекосы пытались покончить жизнь самоубийством. Константин Иванович выпрыгнул из окна и был доставлен с переломами в больницу. Объяснить причину своего поступка не смог. Его жену Аня Викентьевна в мае того же года в камере разломала алюминиевую ложку и

проглотила ее кусочки. Одну часть удалось извлечь из гортани, но вследствие повреждения пищевода она скончалась от гнойного плеврита в июне 1934 г. Когда А.В.Печекос просила оказать ей медицинскую помощь, она обещала дать правдивые показания о ценностях, но не успела.

Константин Иванович сначала отрицал свою причастность к ценностям вообще, затем признался, что кое-какие ценности были, но он их распродал. Также он подтвердил, что получил царские ценности от Кобылинского и передал их на хранение брату Александру. Он же указал место в его доме в Омске, но там ничего не оказалось.

Следствию не удалось найти одну важную персону Тутельберг Марию Густавовну. Она была камер-юнгфера и все ценности А.Ф.Романовой должны были находиться под ее наблюдением. В 1919 г., когда царскую семью увезли в Екатеринбург, Тутельберг обратно в Тобольск не возвращалась, а осталась в Камышловое у одного немца – аптекаря. Дальнейшая ее судьба неизвестна. В силу своих придворных обязанностей, она должна была знать, кому и какие конкретно ценности были переданы на хранение. Она была с царской семьей и в Екатеринбурге, но в Ипатьевский дом ее не допустили.

Итак, валотодержателями (как они именовались в деле) Васильевы, Егоровы, Кирпичниковы, Почекосы и Кобылинская не помогли обнаружить ценности.

Во многих показаниях неоднократно фигурировал Ивановский женский монастырь в Тобольске. Именно это направление и привело следствие к конкретным результатам. Некоторые бывшие монахини показали, что принимали участие в сокрытии каких-то ценностей, но не знают точно, принадлежали ли они монастырю или были царскими. Наиболее часто в деле упоминались игуменья Ивановского монастыря Мария Дружинина и монахиня Рахиль (благочинная Марфа Ужинцева). По показаниям последней, переданные ей в 1918 г. царским камердинером Т.И.Чемодуровым ценности «хранила сама около 7 – 8 лет в разных местах и на кладбище и в бывшем Ивановском монастыре»²⁶⁷.

Когда в 20-е гг. стали выгонять из монастыря хранить и прятать ценности стало негде, и она обратилась с просьбой к тобольскому рыбопромышленнику и торговцу В.М.Корнилову, семье которого помогала по хозяйству. Сначала, по утверждению Ужинцевой, он отказывался, но затем согласился спрятать ценности в своем доме в Тобольске. Когда она рассказала Корнилову, что хотела бросить ценности в Иртыш, он ответил ей со словами: «... установится настоящая власть, настоящий порядок, тогда с тебя отчет спросят, ведь в Иртыш тебе заставят за ценностями лезть».²⁶⁸ Сам Корнилов в 1928 – 1929 г.г. был раскулачен и выехал сначала в Свердловск, а затем в Казань, где работал счетоводом. После отъезда в Казань ценности оставались в подполье его дома, спрятанные в двух стеклянных банках, помещенных в дубовые бочонки или кадушки. В доме какое-то время проживали миллионеры. Ужинцева, приглядывала за домом и боялась, что ценности могут обнаружить, а во время половодья подполье может затопить. Так или иначе, в ноябре 1933 г. в указанном Корниловым месте оперативно-следственной группой были найдены золотые изделия, которые оценщики-эксперты оценили в 3 млн. 270 тыс. 693 золотых рубля. Среди них была бриллиантовая брошь с центральным бриллиантом 100 карат стоимостью в 7 млн. 200 тыс. рублей; полумесец с бриллиантами до 70 карат (по некоторым сведениям был подарен царю турецким султаном); диадема, головные шпильки с бриллиантами в 44 и 36 карат и т.д.

Любопытно, что в начале 1970-х гг. в Свердловске вышла в свет повесть «Тобольский узелок», написанная местным краеведом Ю.М.Курочкиным, который воспроизводит основную канву тех событий и даже называет некоторые подлинные фамилии участников тобольского дела.

Таким образом, в истории с романовскими ценностями, оказалось, довольно сложно выстроить цепочку из всех звеньев. Но основная цель следствием все-таки была

²⁶⁷ Там же

²⁶⁸ Там же.

достигнута – ценности обнаружены и оценены. Правда, дальнейшая их судьба оказалась не менее таинственной. Естественно, что они были отправлены в Москву. Кое-что было продано для экономических нужд страны, в том числе с аукционов, что-то неизбежно осело в частных руках и ушло за границу. К великому сожалению, Россия этими ценностями не обладает.

Конечно, пребывая в Тобольске, в тех условиях, хозяева ценностей вынуждены были доверить их сохранить приближенным, а через них к делу оказались причастны многие, в том числе, совершенно посторонние люди. Тайны не получилось. Возможно, Романовы были слишком доверчивы, но они не могли доподлинно знать, что ценности им больше не пригодятся.

В.В. Запарий
Екатеринбург

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

На западе существует ряд серьезных аналитических центров, продолжающих серьезно исследовать проблемы на постсоветском пространстве. Так американский институт «McKinsey Global Institute» провел исследование развития черной металлургии России в 1990-е гг., и на страницах еженедельника «Аргументы и факты»²⁶⁹ делает анализ состояния отрасли и дает ряд «дельных советов». Посмотрим насколько они соответствуют реалиям нашей страны. Причем, основной упор делается на уровень производительности труда в отрасли, бывший всегда слабым местом советской экономики.

Указывается, что в 1990 г. Советский Союз был крупнейшим производителем стали, правда не указывается, что это первое место в мире. Хотя объем экспорта с тех пор вырос, сокращение внутреннего спроса (на 60%) привело к тому, что производство стали в России упало на 40%, в результате известных реформ и приватизации, сократившее производство в стране и сделавшее производство стали в прежних объемах ненужным.

Сейчас в России более сотни металлургических заводов, которые можно разделить на три группы; большая тройка (ММК, "Северсталь", НЛМК), шесть средних (НТМК, "Мечел", ЗСМК, КМК, НОСТА, ОЭМК) и прочие малые заводы.

Несмотря на падение объемов производства, в отрасли практически не проводилось реструктурирование, в результате чего производительность труда, как утверждается в публикации, упала с 40% от уровня США в 1990 г. до 28% - в 1997 г. Следует отметить, что это не совсем так. На крупных и, частично, средних заводах реконструкция проводилась, что дало результаты и сделало эти заводы конкурентоспособными на мировых рынках. Что касается малых предприятий, то многие из них в период кризиса или были закрыты или останавливали производство. Сохранение их необходимо по социальным причинам, т.к. они являются градообразующими. Интересно выбран год – год самого пика кризиса в экономике РФ. Уже в 2000 г. картина была иной, а сейчас она еще больше улучшилась.

На заводах большой тройки в 1997 г. этот показатель был равен примерно 45% от уровня США, средней шестерки – 25%, а на малых заводах – всего 10% от уровня США. Заводы большой тройки и средней шестерки могли бы достигнуть более 80% от уровня производительности труда в США при очень небольших инвестициях в модернизацию производства. Это пожелание выполняется, т.к. осуществляется существенная модернизация.

Что же мешает осуществлению широкомасштабной реконструкции. Сейчас имеющийся потенциал сдерживается следующими основными факторами: низкой

²⁶⁹ «За рубежом» 2000, №15 – 16 (2026 – 2027). 25 – 31 мая.